затем возвращение к первому и т. д., то нечто подобное мы видим и в плане фонетики — разные состояния: *о — е — и*; одинаковые: *т—т—т*, *р'... стью — р'... стью*, *м—м* (в *томим*). При этом заключительное слово, так сказать, в сжатом виде повторяет колебания, происходившие сначала в масштабе целых словосочетаний (вспомним о параллельном ритмико-синтаксическом суммировании *то робостью, то ревностью* в *томим*).

Сдержанность утверждения 'любви' (7-я строка)

Если 6-я строка — пик эмоционального напряжения, то 7-я, как уже говорилось,— максимально «утвердительная» во всем стихотворении. Этот 'прорыв утвердительности', совершающийся после напряженной борьбы с препятствиями (в предыдущем периоде), поддержан рядом средств: положением в 3-й, обычно кульминационной, строке четверостишия, являющейся к тому же «лишней» строкой о 'любви' (в нарушение аналогии с I строфой); анафорическим повторением лейтмотива и повторением «положительных» однородных членов (*так искренно, так нежно*). Очевидно, однако, что утверждение 'любви' дано не с максимальным нажимом, не как триумфальный (хотя бы и обреченный на последующее поражение) взлет, а скорее как проникновенный ностальгический вздох, не столько как 'прорыв', сколько как 'проглядывание'. [Ср. *любовь — солнце — улыбку*, проглядывающую (из-за туч?) в стихах *И может быть — на мой закат печальный Блеснет любовь улыбкою прощальной.*] Чем обеспечен этот сдерживающий эффект?

Сюжетно 'любовь' взята здесь в наиболее добром и «бесконфликтном» ключе (*искренно, нежно*) в отличие от неспокойных (а иногда и темных — *ревностью*) страстей в предыдущих строках и в соответствии с предстоящим отказом от притязаний. К тому же, прорываясь сквозь пелену отрицательности и через границу между периодами, 'любовь' в 7-й строке не прорывается, однако, из прошлого в настоящее.

Композиционно 7-я строка находится в четвертой четверти стихотворения — естественной зоне заключительного спада. А поскольку период в целом посвящен 'отречению', эта установка распространяется и на утвердительную 7-ю строку, чему способствует также инерция деления строфы пополам (2 стиха о 'любви', 2 — о 'смирении'). Нарушение этой инерции (о нем см. выше) ослаблено тем, что три первые строки II строфы не сведены в единую волну, гребнем которой могла бы быть 7-я строка: граница между периодами подчеркнута анафорой, так что 7-я строка образует отдельную короткую волну, начинающуюся опять с низкой точки.

Одновременно происходит ритмико-интонационное замедление — восстанавливается прямой порядок слов и появляются внеметрические ударения (на подчеркивающих 'любовь' (!) *так... так*). Нагнетание однородных членов заранее ослаблено тем, что ему не предстоит продолжаться в следующей строке (в отличие от предыдущего периода), а также ритмическим спадом от первого из них (◌̆ — ◡ —) ко второму (◌̆ — ◡) (ср. выше о нарастании от *безмолвно* к *безнадежно*).

В фонетическом плане менее напряженной по сравнению с предыдущей является рифма — женская, построенная на знакомом по предшествующим рифмам гласном (*е*) среднего подъема, занимающем среднее положение в рифменной последовательности *о—е—и*.

Финальное совмещение (8-я строка)

Последняя строка — как бы итог стихотворения, и она собирает в фокус все мотивы, проходившие на разных уровнях и участках текста. В сюжетно-тематической сфере это 'любовь', 'ревность'